DOI: 10.31696/S086919080033632-2

СОВРЕМЕННАЯ АФГАНСКАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ:
СДЕРЖАННЫЙ ПРАГМАТИЗМ

© 2025

Г.Г. МАЧИТИДЗЕ^a^a – МГИМО (У) МИД России

ORCID:0000-0003-2402-1909; mggkabul@gmail.com

Резюме: Статья посвящена изучению особенностей афганской политики КНР, которая характеризуется сдержанным прагматизмом. Захват Кабула талибами 15 августа 2021 г. и вывод коалиционных сил из Афганистана снизили уровень насилия в стране, однако полной стабильности добиться не удалось. Продолжается борьба как против террористических группировок, так и против внутренней вооруженной оппозиции. Отсутствие в Афганистане западных игроков оставляет дверь открытой для Китая, который может взаимодействовать с Кабулом по обеспечению безопасности и эксплуатации практически нетронутых ресурсов Афганистана. В отличие от других региональных игроков, Китай является ведущей мировой экономикой с сильным и неоспоримым присутствием на международной арене. Поэтому талибы рассчитывают на серьезные инвестиции и поддержку Китая в вопросе международного признания режима. Для Китая безопасный и стабильный Афганистан мог бы стать ценным дополнением к его инициативе «Пояса и пути», символом стабильности для Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР), а также помог бы утвердить региональное доминирование Пекина в Центральной Азии. Первоначальная нерешительность Китая сменилась взаимодействием с новыми афганскими властями в сфере политики, безопасности и экономики, что фактически означало признание легитимности власти талибов. Важным фактором, влияющим на современную политику КНР в Афганистане, является экономический. Вместе с тем Китай готов оказывать помощь Афганистану, но в рамках своих возможностей и главным образом для содействия развитию Афганистана, осуществляя сотрудничество в сфере сельского хозяйства, здравоохранения, предотвращения стихийных бедствий, и менее склонен к партнерству в инвестиционных проектах. Предполагается, что Китай продолжит участвовать в делах Афганистана, сохраняя при этом определенную дистанцию, и некоторые из небольших проектов, несмотря на сдержанность и осторожность Пекина, могут быть реализованы.

Ключевые слова: Китай, талибы, Афганистан, инициатива «Пояса и пути», инвестиции, международное признание

Для цитирования: Мачитидзе Г.Г. Современная афганская политика Китая: сдержанный прагматизм. *Восток (Oriens)*. 2025. № 1. С. 147–156. DOI: 10.31696/S086919080033632-2

CHINA'S CONTEMPORARY AFGHANISTAN POLICY:
RESTRAINED PRAGMATISM

© 2025

Georgy G. MACHITIDZE^a^a – MGIMO University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-2402-1909, mggkabul@gmail.com

Abstract: *This article explores the features of China's Afghan policy, characterized by restrained pragmatism. The takeover of Kabul by the Taliban in 2021 and the withdrawal of coalition forces from Afghanistan have reduced the level of violence in the country, but complete stability has not been achieved. The fight against both terrorist groups and internal armed opposition continues. The absence of Western players in Afghanistan leaves the door open for China to work with Kabul to secure and exploit Afghanistan's resources. Unlike other regional players, China is the world's leading economy with a strong presence on the international stage. Therefore, the Taliban is counting on China's serious investment and support for international recognition of the regime. For China, a secure and stable Afghanistan could be a valuable complement to its Belt and Road Initiative, a symbol of stability for the Xinjiang Uygur Autonomous Region, and help assert Beijing's regional dominance in Central Asia.*

China's hesitation was replaced by engagement with the new Afghan authorities in the political, security, and economic spheres. An important factor influencing China's current policy in Afghanistan is economy issues. However, China is willing to provide assistance to Afghanistan, but only within its capabilities and mainly in order to cooperate in agriculture, health care, disaster prevention, and is less inclined to partner in investment projects. China will continue to be involved in Afghanistan, and some of the smaller projects, despite Beijing's restraint and caution, may be implemented.

Keywords: China, Taliban, Afghanistan, "Belt and Road Initiative", investment, international recognition

For citations: Machitidze G.G. China's Contemporary Afghanistan Policy: Restrained Pragmatism. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 1. Pp. 147–156. DOI: 10.31696/S086919080033632-2

После ухода США из Афганистана и отсутствия признаков возвращения в регион Вашингтона, занятого в настоящее время конфликтами на Украине и Ближнем Востоке, Китай продолжает предпринимать небезуспешные попытки наладить осторожное взаимодействие с талибскими властями в Афганистане в области политики, безопасности и экономики. Хотя определенный прогресс в развитии подобных контактов и достигнут, Афганистан не относится к числу главных внешнеполитических приоритетов Китая. Однако наблюдаемая в последние годы политико-дипломатическая деятельность Пекина на афганском направлении дает повод утверждать, что его афганская политика стала более активной, но с оглядкой на мнение мирового сообщества относительно гендерной проблематики и формирования инклюзивного правительства. Не вмешиваясь во внутренние дела Афганистана, Китай не предлагает новым афганским властям участвовать в примирении с политической оппозицией и, более того, осуждает политическое и экономическое давление Запада на Кабул [Tiezzi, 2022]. Очевидно, что роль КНР в регионе увеличивается [Дьяконова, Шарипов, 2022].

Различные аспекты отношений между Пекином и находящимися у власти в современном Афганистане талибами частично рассматривались как отечественными [Клименко, 2022; Сафронова, 2022; Серенко, 2018; Долохова, Соболева, 2024; Дьяконова, Шарипов, 2022; Окимбеков, 2023], так и зарубежными исследователями [Azami, 2024; Seerat, 2024; Schneider, 2024; Sim, 2023; Tiezzi, 2022; Rakisits, 2022; Pantucci, 2023].

В этой связи автор в данном исследовании сосредоточился на том, чтобы дополнить существующие научные наработки в изучении современных китайско-афганских отношений. В статье делается попытка исследовать пока основательно не изученные вопросы, касающиеся китайской политики сдержанного прагматизма в отношении Кабула, которая

определяется рядом объективных и субъективных причин, а также дать оценку перспективам развития контактов между Пекином и Кабулом.

ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АФГАНСКОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

В течение двух последних десятилетий до прихода талибов к власти в 2021 г. роль Китая в Афганистане нельзя назвать успешной. Это касается как ограниченного участия Пекина в афганских политических делах, так и неудавшихся амбициозных экономических проектов [Chia, Kalachelvam, Haiqi, 2021]. Однако уход иностранных коалиционных сил из Афганистана и захват власти движением «Талибан» летом 2021 г. китайцы стали рассматривать как начало нового этапа независимого развития страны, как выражение воли афганского народа и переход страны от «хаоса к порядку». Первоначальная нерешительность Китая сменилась нарастающим взаимодействием с новыми афганскими властями в сфере политики, безопасности и экономики, что фактически означало признание легитимности власти талибов. Более того, Пекин подтвердил свою приверженность уважению независимости и территориальной целостности Афганистана [Cheung, Westcott, 2021]. Предлагая талибам подобный подход, китайцы опираются на «пять принципов мирного сосуществования при решении вопросов безопасности и внешней политики: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, взаимное ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимную выгоду» [Principles, 2024].

Китай, наряду с несколькими государствами, не закрыл свое посольство в Кабуле в 2021 г. [Долохова, Соболева, 2024]. Даже Европейский Союз (ЕС) в январе 2022 г. вновь открыл свою дипломатическую миссию в Кабуле «для содействия доставке гуманитарной помощи и мониторинга гуманитарной ситуации». В марте 2022 г. в Кабуле принимали китайского министра иностранных дел Ван И. Афганистан также посетили министры иностранных дел Ирана, Пакистана и Узбекистана [Azami, 2024]. В сентябре 2023 г. Китай стал первой страной за период пребывания талибов у власти, назначившей нового посла Чжао Сина в Афганистан, а в январе 2024 г. китайский лидер Си Цзиньпин принял верительные грамоты у Билала Карими, посла Исламского Эмирата Афганистан в Китае, который стал единственным официально аккредитованным посланником, отправленным Кабулом в какую-либо страну [Durso, 2024]. При этом МИД Китая сразу же разъяснил, что принятие дипломатических полномочий не является признаком официального признания Пекином новых властей Афганистана, хотя талибы очень рассчитывали при поддержке Пекина прорвать международную изоляцию, получить от Китая значительную финансовую помощь и инвестиции в различные секторы афганской экономики [Kumar, 2024]. Обмен послами с Кабулом без официального признания предоставляет Пекину возможность поддерживать отношения с талибами, не нарушая при этом общемирового тренда на отказ признавать правительство талибов. Китай подталкивает талибов к проведению политических реформ и налаживанию отношений со всеми соседями, без чего трудно будет получить международное признание. При этом Пекин не устает повторять, что «уважает независимый выбор, сделанный афганским народом, его религиозные верования и национальные обычаи» [China says, 2023].

Несмотря на осторожный подход к углублению связей с Кабулом, современные отношения между Китаем и Афганистаном сопровождаются политико-дипломатической активностью. В последние месяцы отмечаются регулярные встречи китайских дипломатов со своими афганскими коллегами [Schneider, 2024]. Китай взаимодействует с временной администрацией Афганистана как на двусторонней основе, так и на многосторонних платформах. В частности, китайцы содействуют трёхсторонним переговорам с Афганистаном

и Пакистаном, способствуя региональной стабильности, которые направлены на предотвращение любого ухудшения отношений между Кабулом и Исламабадом. В мае 2023 г. талибы присоединились к очередной встрече в рамках диалога министров иностранных дел Китая, Пакистана и Афганистана для обсуждения экономических проблем Афганистана, а также вопросов обеспечения региональной безопасности, включая противодействие террористической деятельности «Движения талибов Пакистана» (Техрик-и-Талибан Пакистан) – ТТП) и «Исламского движения Восточного Туркестана» (ИДВТ) [Joint, 2023]. Китай нацелен на продвижение инициативы «Пояса и пути» в сторону Центральной Азии через территорию Пакистана к глубоководному порту Гвадар на побережье Аравийского моря, который позволяет Китаю добраться до Африки и Ближнего Востока кратчайшим путем. В октябре 2023 г. талибы на третьем форуме по международному сотрудничеству выразили готовность присоединиться к инициативе «Пояса и пути», а также принять участие в проектах Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК), что должно способствовать укреплению транзитных путей Пакистана [*Pakistan*, 2021].

Включение Афганистана в КПЭК не является новой темой, вопрос поднимался и раньше. Привлечение Афганистана в КПЭК еще в 2017 году увязывалось тогда с созданием трехстороннего сотрудничества (Китай-Пакистан-Афганистан), в том числе для стимулирования «мирного решения затяжного афганского вооруженного конфликта и экономической альтернативы новой американской стратегии силы в регионе» [Серенко, 2018]. В настоящее время талибы рассчитывают, что включение в КПЭК позволит в перспективе Афганистану, находящемуся под санкциями ООН и США, привлечь миллиардные инвестиции на финансирование инфраструктурных проектов, расширить коммерческие возможности и будет содействовать экономической стабильности, что укрепит имидж кабульского режима в стране и за рубежом. Китайская сторона приветствует участие Афганистана в КПЭК с учетом его интеграции в региональное экономическое сотрудничество и транспортно-коммуникационную взаимосвязанность с целью превращения из государства без выхода к морю в транспортный узел. Кроме того, это может привести к увеличению инвестиций в инфраструктуру и соответственно к увеличению китайского присутствия в стране. При этом Китай и Пакистан договорились продолжать оказывать гуманитарную и экономическую помощь афганскому народу, а также укреплять сотрудничество в целях развития Афганистана, в том числе посредством участия в проектах КПЭК.

Усилия Пекина по развитию отношений с талибами некоторые эксперты в большей степени увязывают с заинтересованностью Китая в том, чтобы получить неограниченный доступ к полезным ископаемым Афганистана, включая литий, медь и редкоземельные элементы, которые важны для экономического роста, технологического прогресса и стратегических амбиций Поднебесной [Liaqat, Abbasi, 2023]. Однако фактические обстоятельства свидетельствуют о том, что контакты между двумя сторонами не ограничиваются экономической сферой. Большинство экспертов объясняют активное взаимодействие китайцев с талибами прежде всего стремлением обезопасить территорию Китая от угроз, исходящих от террористических организаций, базирующихся на афганской земле, от религиозного экстремизма и распространения сепаратистской деятельности на свою территорию, от наркотрафика и организованной преступности. Пекин также не сбрасывает со счетов возможное возвращение Соединенных Штатов в регион, в случае изменения ситуации в мире, и новых попыток американцев дестабилизировать региональную обстановку. Тем более, что Кабул не прерывает дипломатических контактов с США, которые пока проходят в других странах [Azami, 2024]. При участии США контролируемый талибами центральный банк Афганистана получает значительную финансовую поддержку косвенно через Организацию Объединенных Наций, с периодическими поставками в размере 80 млн долл. каждые 10–14 дней [Seerat, 2024].

Действительно, проблемы безопасности в регионе имеют для Китая первостепенное значение, так как они оказывают непосредственное влияние на развитие как политических, так и экономических отношений с Афганистаном [Сафронова, 2022]. Однако нельзя не отметить, что большинство экспертов, делая акцент на проблемах безопасности, упоминают прежде всего деятельность малочисленной ИДВТ (300–400 боевиков), которую, кстати, талибы переместили из приграничной зоны Китая вглубь афганской территории и усилили контроль над этой уйгурской экстремистской группировкой. Поэтому трудно согласиться с утверждением некоторых экспертов, что для безопасности Китая присутствие ИДВТ в Афганистане является критической проблемой [Seerat, 2024].

Дело в том, что китайцев всё больше беспокоит деятельность пакистанских талибов (ТТП), «Армии освобождения Белуджистана» и ИГИЛ-Хорасан^{1**}. По некоторым оценкам, ТТП представляет для Китая гораздо большую опасность, чем ИДВТ. Многочисленная группировка ТТП (6–6,5 тысяч боевиков), идеологически тесно связана с афганскими талибами, зачастую имеет с ними общие племенные корни и действует с территории Афганистана. Многие из террористических атак ТТП направлены против китайских граждан и инфраструктурных проектов КПЭК, которые являются важнейшим звеном в рамках инициативы «Пояса и пути». Кроме того, ТТП взаимодействует с «Армией освобождения Белуджистана», которая, в свою очередь, совершает вооруженные нападения на китайских специалистов и инфраструктуру в пакистанской юго-западной провинции Белуджистан. Серьезную опасность для Китая представляет и ИГИЛ-Хорасан^{**}, которая привлекла в свои ряды некоторых членов движения «Талибан», ТТП и ИДВТ и которая также нацелена на китайские объекты в Афганистане и Пакистане [Rakisits, 2022]. Именно ИГИЛ-Хорасан^{**}, а не ИДВТ, осуществила нападение в декабре 2022 г. на отель «Лонгин» в Кабуле, где проживали китайские специалисты.

В отдельных исследовательских материалах опубликована даже информация о строительстве Китаем передовой оперативной базы в Таджикистане для наблюдения за Афганистаном и Ваханским коридором, который граничит с Синьцзян-Уйгурским автономным районом (СУАР) на северо-западе КНР. Утверждается также, что якобы китайские военные проводили на территории Афганистана какие-то мероприятия [Future, 2023]. Автор считает, что подобные сведения не соответствуют действительности и являются целенаправленным информационным вбросом в рамках информационной войны Запада с Китаем, чтобы вызвать подозрения у талибов и соседних государств относительно возможного вмешательства Пекина во внутренние дела Афганистана.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КИТАЯ С АФГАНИСТАНОМ

Наряду с военно-политическими обстоятельствами, немаловажным фактором, влияющим на современную политику КНР в Афганистане, является экономический [Клименко, 2022]. Именно ресурсоемкие отрасли промышленности стимулируют стремление Китая интегрировать Афганистан в инициативу «Пояса и пути», не забывая и о постепенном развитии торгово-экономических отношений. Однако пока объем торговли между двумя странами незначительный, составляет около 1,5 млрд долл. в год. Строится дорога, протяженностью 300 км, которая соединит афганскую провинцию Бадахшан с китайской границей [China quietly, 2024]. В ходе заседания Совета министров иностранных дел государств-членов ШОС в июле 2022 г. Китай объявил, что 98% афганских товаров, импортируемых в Китай, будут беспошлинными. Пекин также обещал частично профинан-

¹ Здесь и далее**. ИГИЛ-Хорасан** (Вилаят Хорасан) – джихадистская террористическая группировка, филиал ИГ** в Афганистане (запрещена в РФ).

сировать строительство транснациональной железной дороги через Афганистан, которая соединит Узбекистан с морскими портами в Пакистане [Rakisits, 2022].

В ноябре 2022 г. Китай возобновил работу воздушного коридора по импорту из Афганистана кедровых орешков [Promoting, 2022]. В декабре 2022 г. афганский дистрибьютор электроэнергии Da Afghanistan Breshna Sherkat (DABS), заявил, что китайские инвесторы могут вложить средства в угольную электростанцию, которая могла бы производить 500 мегаватт электроэнергии. Китайская торговая палата даже предложила поставить угольные электростанции в каждую провинцию Афганистана. В январе 2023 г. талибы подписали контракт на 25 лет на добычу нефти из бассейна Амударьи на севере Афганистана, в соответствии с которым китайская компания CAPEC начала качать нефть и намерена инвестировать в разработку месторождения 150 млн долл. в первый год и в общей сложности 540 млн долл. к 2026 г. В апреле 2023 г. Министерство горнодобывающей промышленности и нефти Афганистана объявило, что Китай также заинтересован в инвестировании 10 млрд долл. в добычу лития. Предложение включало переработку руды непосредственно в Афганистане, а также строительство гидроэнергетических плотин, дорог и даже второй туннель Саланг, который создаст около 120 000 рабочих мест [Chinese, 2023]. Объявлено о планах китайских компаний инвестировать 500 млн долл. в солнечную энергетику в Афганистане.

В мае 2023 г. возобновились прямые коммерческие рейсы в Китай, выполняемые афганской государственной авиакомпанией «Ариана», а с июля 2023 г. заработал мультимодальный (железнодорожно-автомобильный) маршрут из Ланьчжоу в Хайратон (Китай-Кыргызстан-Узбекистан-Афганистан). В августе 2024 г. открыт новый автомобильный маршрут из Кашгара (Синьцзян-Уйгурский автономный район) через Пакистан в Кабул. В рамках политики сближения Пекин оказывает Кабулу и гуманитарную помощь, однако она достаточно скромная по сравнению с другими донорами. Так, с сентября 2021 г. по сентябрь 2023 г. Китай выделил на эти цели всего 50 млн долл. [Pantucci, 2023].

Складывается впечатление, что Китай готов оказывать помощь Афганистану, но в рамках своих возможностей и главным образом для содействия развитию Афганистана, осуществляя сотрудничество в сфере сельского хозяйства, здравоохранения, предотвращения стихийных бедствий и менее склонен к партнерству в инвестиционных проектах, которые фигурируют в виде планов [Tiezzi, 2022]. Такой подход китайской стороны, характеризующийся отсутствием конкретных действий в вопросе реализации крупных проектов, подтверждается и работами российских исследователей [Окимбеков, 2023]. С одной стороны, Пекин приветствует участие Афганистана в инициативе «Пояса и пути». В то же время у китайской стороны сохраняется чувство скептицизма. Во-первых, при предыдущем правительстве Ашрафа Гани китайские инвестиционные проекты так и не были реализованы. Во-вторых, современное достаточно тяжелое состояние афганской экономики является малопривлекательным для китайского бизнеса. В-третьих, вопросы безопасности решены не полностью, а безопасность инвестиций остается для КНР важным фактором. В-четвертых, китайские бизнесмены обеспокоены тем, что Афганистан вряд ли предложит лучшую инвестиционную среду, чем соседний Пакистан. Ярким примером сложностей с реализацией инвестиционного мегапроекта является разработка медного рудника «Айнак», который не получил развития по целому ряду причин. Прежде всего из-за отсутствия в течение длительного времени стабильности в стране, падения мировых цен на медь, ухудшающихся условий контракта (включая обязательства по строительству перерабатывающего завода на территории страны, железной дороги к пакистанской границе и электростанции для обеспечения энергией участка и региона). К тому же, новые власти Афганистана под предлогом защиты буддийских памятников потребовали от китайского

консорциума добывать медь не открытым способом, а путем подземной добычи, что может привести к серьезному удорожанию проекта. В целом анализ инвестиционной политики Китая в Афганистане свидетельствует о разрыве между риторикой и практикой на местах, а китайские инвестиции остаются ограниченными ввиду не только нестабильности, но и отсутствия инфраструктуры для восстановления страны [China's, 2024].

Талибы, со своей стороны, внимательно изучают условия реализации китайских инвестиционных проектов, памятуя об опыте других стран. В частности, в Кабуле опасаются чрезмерной зависимости от китайской рабочей силы в ущерб местным рабочим и от китайских товаров, а также попадания в «долговую яму», когда в счет погашения кредитов придется передавать Китаю свои стратегические ресурсы [Gopaldas, 2018]. Предыдущие примеры китайских прямых иностранных инвестиций в разных странах заставляют талибов с некоторой осторожностью относиться к предложениям Пекина в сфере экономики. В то же время Кабул, несомненно, рассчитывает на поддержку со стороны Китая в вопросе международного признания своего режима. Наряду с этим, талибы взвешивают насколько тесно им необходимо взаимодействовать с Пекином. Налицо попытка контролировать отношения с Китаем, чтобы избежать доминирования одной страны и не оттолкнуть от себя таких крупных игроков, как Россия и Индия. Вместе с тем талибы не могут не учитывать спад в афганской экономике, в целом низкий уровень экономической активности и высокий уровень бедности и безработицы в стране. По данным ООН, «70% жителей Афганистана не могут удовлетворить свои потребности в еде, услугах здравоохранения и трудоустройстве» [Доклад, 2024]. Поэтому Кабул в условиях отсутствия признаков выхода из международной изоляции и необходимости решения насущных социально-экономических проблем вынужден взаимодействовать с Китаем и не только. Талибы полагаются и на большинство соседних государств, которые также выступают против изоляции Афганистана.

ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КИТАЙСКО-АФГАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Как представляется, Китай продолжит участвовать в делах Афганистана, сохраняя при этом определенную дистанцию. Пекин будет выступать за укрепление позиций правительства талибов, которое было бы способно контролировать весь Афганистан, поддерживать в стране порядок и безопасность, нейтрализовать террористические группировки, а также защитить китайских граждан и инвестиции. В то же время сильная власть в Афганистане должна нести всю полноту ответственности в случае возникновения проблем. Китай по-прежнему будет оказывать Афганистану гуманитарную помощь, возможно, в больших объемах, расширять поставки китайских товаров на афганский рынок, добиваться неограниченного доступа к полезным ископаемым страны [China quietly, 2024]. При этом китайцы не собираются втягиваться в политические или военные действия в Афганистане.

Ожидается, что Пекин будет использовать «мягкую силу» для вовлечения Афганистана в региональное экономическое сотрудничество, несмотря на скептицизм с китайской стороны [Sim, 2023]. Дело в том, что гораздо большее политико-экономическое значение для КНР имеет Пакистан с его портами на побережье Индийского океана. Причем, не только географические причины определяют план прохождения инициативы «Пояса и пути» в Афганистан через пакистанскую территорию. Есть в этом и стратегические интересы Китая. Сделав афганскую территорию второстепенной по отношению к КПЭК, Пекин фактически способствует сохранению определенной зависимости Афганистана от Пакистана. Правда, в Пекине и к проекту КПЭК относятся как к рискованному предприятию из-за незавидного состояния экономики Пакистана, что ставит под сомнение отдачу от огромных китайских инвестиций.

Нельзя забывать и о том, что Китай в рамках инициативы «Пояса и пути» не скрывает планов проецировать свои экономические возможности на центральноазиатские государства, принимая во внимание конкуренцию с Индией, Россией, США и Европейским Союзом [Schneider, 2024]. Кстати, особенно страны «старой Европы» заинтересованы в природных ресурсах региона. В 2021 г. государства ЕС уже испытывали зависимость от китайских поставок редкоземельных элементов и других видов критически важного сырья. Пекин сможет усилить монополию на большинство редкоземельных элементов, если получит контроль над афганскими ресурсами, что приведёт к дальнейшей зависимости Европы и, частично, США от китайских производственных и перерабатывающих мощностей. Ожидается, что спрос на такие минералы, как литий и медь, будет быстро расти. В будущем добытые китайскими компаниями полезные ископаемые могут транспортироваться из Афганистана, минуя уязвимые морские пути, через КПЭК в Китай по суше.

Однако в настоящее время в связи с замедлением темпов роста экономики Пекин вряд ли сможет и, главное, захочет вкладывать значительные средства в небезопасный Афганистан. Поэтому в ближайшей перспективе невозможно ожидать серьезных подвижек в развитии довольно объемного афганского горнодобывающего сектора. С одной стороны, это связано с угрозами полной безопасности, которую афганские власти пока обеспечить не в состоянии. Китайские рабочие и инфраструктура в Афганистане часто становились объектами террористических атак. С другой стороны, создание эффективного горнодобывающего сектора, который требует наличия транспортной инфраструктуры, достаточного количества водных ресурсов и электроэнергии, займёт слишком много времени с труднопредсказуемым экономическим результатом.

Несмотря на объективные и субъективные препятствия, талибы понимают, что Китай остается их главной надеждой на решение острых политических, социально-экономических и гуманитарных проблем Афганистана. При этом Кабул продолжает рассчитывать на финансовые вливания со стороны Китая на цели развития, на продвижение национальных интересов Афганистана на международной арене и на реализацию плана участия Афганистана в проекте КПЭК. Кроме того, талибы готовы усилить контроль за деятельностью ИДВТ и «закрыть глаза» на проблему уйгуров-мусульман в Синьцзян-Уйгурском автономном районе [China quietly, 2024]. Однако, если не будет продвижения вперед в финансово-экономической области, то недоверие талибов к афганской политике Китая будет нарастать. Слишком тесные связи с Пекином могут иметь и негативные последствия для Кабула, который может попасть в китайские экономические тиски. Вместе с тем изоляция Афганистана на международной арене и необходимость решения социально-экономических проблем вынуждают талибов все активнее взаимодействовать с Китаем.

* * *

Анализ современной афганской политики Китая демонстрирует необходимость рассматривать ее в контексте долгосрочной стратегии Пекина по обеспечению доступа к стратегическим ресурсам Афганистана, что следует расценивать как «потенциальные возможности» для китайских инвесторов. Стратегический контроль над цепочками поставок критически важных сырьевых материалов, необходимых для инновационных технологий, определенно будет способствовать усилению геополитического влияния Китая. Однако очевидно, что для реализации более крупных проектов потребуются годы. Смогут ли они радикально улучшить состояние афганской экономики, преодолев кризисные явления в стране, – большой вопрос. Как бы то ни было, есть надежда, что некоторые из небольших проектов, несмотря на сдержанность и осторожность Пекина, будут в той или иной степени

реализованы. В противном случае афганская политика Китая будет скомпрометирована, что отразится и на региональном имидже КНР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Доклад ООН: восстановить экономику Афганистана невозможно без участия женщин. *ООН*. 18.01.2024 [UN report: Afghanistan's economy cannot be rebuilt without women's participation. *UN*. 18.01.2024 (in Russian)]. <https://news.un.org/ru/story/2024/01/1448722> (accessed: 03.10.2024).
- Долохова А.Д., Соболева Е.Д. Трактовка ситуации в Афганистане в китайских средствах массовой информации в контексте национальной безопасности Китая. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2024. Т. 26. № 1. С. 50–61 [Dolokhova A.D., Soboleva E.D. The View on the Situation in Afghanistan in the Chinese Media within China's National Security. *RUDN Journal of Political Science*. 2024. Vol. 26. No. 1. Pp. 50–61 (in Russian)].
- Дьяконова М.А., Шарипов Ф.Ф. Афганистан и его роль для России и Китая. *Современные востоковедческие исследования*. 2022. Т. 4. № 4. С. 146–155 [Dyakonova M.A., Sharipov F.F. Afghanistan and its Role for Russia and China. *Modern Oriental Studies*. 2022. Vol. 4. No. 4. Pp. 146–155 (in Russian)].
- Клименко А.Ф. Некоторые особенности современной политики Китая в отношении Афганистана. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. Выпуск XXVII. 2022. С. 225–239 [Klimenko A.F. Some features of China's modern policy towards Afghanistan. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*. Issue XXVII. 2022. Pp. 225–239 (in Russian)].
- Окимбеков У.В. Афганская экономика: полтора года правления талибов. *Восточная аналитика*. 2023. Т. 14. Выпуск № 1. С. 52–68 [Okimbekov U.V. The Afghan Economy: A Year and a Half of the Taliban Rule. *Eastern Analytics*. 2023. Vol. 14. No. 1. Pp. 52–68. (in Russian)].
- Сафронова Е.И. Китай и Афганистан: состояние отношений после вывода войск США. *Проблемы Дальнего Востока*. 2022. № 6. С. 56–69 [Safonova E.I. China and Afghanistan: The State of Relations after the Withdrawal of U.S. Troops. *Far Eastern Studies*. 2022. No. 6. Pp. 56–69 (in Russian)].
- Серенко И.Н. Китайско-пакистанский экономический коридор в афганском векторе межгосударственного взаимодействия. *Восточная аналитика*. 2018. № 3. С. 98–105 [Serenko I.N. The China-Pakistan Economic Corridor in the Afghan Vector of Interstate Relations. *Eastern Analytics*. 2018. No. 3. Pp. 98–105 (in Russian)].
- Azami D. China, Russia, and Great Power Politics in Afghanistan and Central Asia. *Caspian Policy Center*. 12.01.2024. <https://www.caspianpolicy.org/research/central-asia/china-russia-and-great-power-politics-in-afghanistan-and-central-asia> (accessed: 05.09.2024).
- Cheung E., Westcott B. Chinese officials and Taliban meet in Tianjin as US exit Afghanistan. *CNN*. 29.07.2021. <https://edition.cnn.com/2021/07/29/china/china-taliban-tianjin-afghanistan-intl-hnk/index.html> (accessed: 03.09.2024).
- Chia C., Kalachelvam K., Haiqi Z. Exploring China's Afghanistan Policy. *NUS Institute of South Asian Studies*. 25.06.2021. <https://www.isas.nus.edu.sg/papers/exploring-chinas-afghanistan-policy/> (accessed: 07.09.2024).
- China quietly expanding influence in Taliban-ruled Afghanistan. *The Hindu*. 01.02.2024. <https://www.thehindu.com/news/international/china-quietly-expanding-influence-in-taliban-ruled-afghanistan/article67796809.ece> (accessed: 06.09.2024).
- China says Afghan Taliban must reform before full diplomatic ties. *The Hindu*. 05.12.2023. <https://www.thehindu.com/news/international/china-says-afghan-taliban-must-reform-before-full-diplomatic-ties/article67607791.ece> (accessed: 08.09.2024).
- China's Risky Gamble on the Taliban | From Calculated Indifference to Strategic Engagement. *European Foundation for South Asian Studies*. 2024. <https://www.efsas.org/publications/study-papers/china-risky-gamble-on-the-taliban-feb-2024/> (accessed: 10.09.2024).
- Chinese company offers \$10 billion to the Taliban for access to lithium deposits. *KabulNow*. 13.04.2023. <https://kabulnow.com/2023/04/chinese-company-offers-10-billion-to-the-taliban-for-access-to-lithium-deposits/> (accessed: 09.09.2024).

Durso J. Who will lead the way to diplomatic recognition of the Taliban? *Defense.info*. 18.02.2024. <https://defense.info/global-dynamics/2024/02/who-will-lead-the-way-to-diplomatic-recognition-of-the-taliban/> (accessed: 05.09.2024).

Future of Sino-Afghan relations: Impacts on EU interests and strategic autonomy. *Think Tank European Parliament*. 05.07.2023. [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI\(2023\)747434/](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2023)747434/) (accessed: 04.09.2024).

Gopaldas R. Lessons from Sri Lanka on China's 'debt-trap diplomacy'. *Institute for Security Studies*. 21.02.2018. <https://issafrica.org/iss-today/lessons-from-sri-lanka-on-chinas-debt-trap-diplomacy> (accessed: 06.09.2024).

Joint Statement of the 5th China-Afghanistan-Pakistan Foreign Ministers' Dialogue. *Embassy of the People's Republic of China in the Islamic Republic of Afghanistan*. 09.05.2023. http://af.china-embassy.gov.cn/eng/sgxw/202305/t20230509_11073844.htm (accessed: 08.09.2024).

Kumar R. Why has China recognized Taliban's envoy to Beijing? *Al Jazeera*. 14.02.2024. <https://www.aljazeera.com/news/2024/2/14/is-chinas-recognition-of-afghanistan-envoy-a-diplomatic-win-for-taliban> (accessed: 11.09.2024).

Liaqat S., Abbasi A.H. Afghanistan in China's Grand Strategy. *The Diplomat*. 04.08.2023. <https://thediplomat.com/2023/08/afghanistan-in-chinas-grand-strategy/> (accessed: 09.09.2024).

Pakistan to benefit by involving Afghanistan in CPEC. *China-Pakistan Economic Corridor*. 20.09.2021. <https://cpecinfo.com/pakistan-to-benefit-by-involving-afghanistan-in-cpec/> (accessed: 11.09.2024).

Pantucci R. China and the Taliban are friends in need of each other. *Nikkei Asia*. 15.09.2023. <https://asia.nikkei.com/Opinion/China-and-the-Taliban-are-friends-in-need-of-each-other> (accessed: 10.09.2024).

Principles of China's Foreign Policy. *Weatherhead East Asian Institute. Columbia University*. 2024. https://afe.easia.columbia.edu/special/china_1950_forpol_principles.htm (accessed: 11.09.2024).

Promoting the high-quality development of the BRI, Ensuring China-Afghanistan friendship sails steadily. *Embassy of the People's Republic of China in the Islamic Republic of Afghanistan*. 15.11.2022. http://af.china-embassy.gov.cn/eng/sgxw/202211/t20221115_10975719.htm (accessed: 06.09.2024).

Rakisits C. Afghanistan: China's Challenging Relationship with the Taliban. *Australian Institute of International Affairs*. 15.09.2022. <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/afghanistan-chinas-challenging-relationship-taliban/> (accessed: 06.09.2024).

Schneider H. Beijing's motivation in China-Taliban relations. *Geopolitical Intelligence Services AG*. 13.03.2024. <https://www.gisreportsonline.com/r/china-taliban-relations/> (accessed: 12.09.2024).

Seerat R.A. China-Taliban Relationship. *Friedrich Naumann Foundation for Freedom*. 2024. <https://www.freiheit.org/south-asia/china-navigates-new-afghanistan-taliban-its-rulers> (accessed: 13.09.2024).

Sim D. Why China wants Taliban regime in Afghanistan to thrive. *South China Morning Post*. 26.10.2023. <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3239269/why-china-wants-taliban-regime-afghanistan-thrive> (accessed: 11.09.2024).

Tiezzi S. China Signals It's Back to Business as Usual with Taliban Government. *The Diplomat*. 25.03.2022. <https://thediplomat.com/2022/03/china-signals-its-back-to-business-as-usual-with-taliban-government/> (accessed: 10.09.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МАЧИТИДЗЕ Георгий Григорьевич – к.и.н.,
старший научный сотрудник, Институт
международных исследований МГИМО (У)
МИД РФ, Москва, Россия.

Georgy G. MACHITIDZE, PhD (History), Senior
Research Fellow, Institute for International
Studies, MGIMO University, Moscow, Russia.